

М. Н. Кубяк, Н. Т. Усова

Ленинской партии рядовой

...За все время работы
совместно
Николаем Афанасьевичем Кубяком
я видела,
что он отдает все силы свои
служению делу партии.

Елена Стасова

М. Н. Кубяк, Н. Т. Усова

Ленинской партии рядовой

**Очерк жизни
и деятельности
Н. А. КУБЯКА**

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1982**

66.61(2)8

К88

Кубяк М. Н., Усова Н. Т.

К88 Ленинской партии рядовой: Очерк жизни и деятельности Н. А. Кубяка.— М.: Политиздат, 1982.— 144 с., ил.

Долгий, сложный и яркий путь от простого рабочего до крупного государственного деятеля прошел герой этого очерка Н. А. Кубяк. Член партии с 1898 года, Кубяк пережил суровые годы подполья, испытал жестокость тюремных застенков, активно участвовал в трех революциях, в строительстве нового, социалистического общества.

Авторы очерка М. Н. Кубяк и член Союза писателей СССР Н. Т. Усова.

Книга адресована широкому кругу читателей.

К 0902020000—234 94—81
079(02)—82

66.61(2)8
ЗКП1(092)

© ПОЛИТИЗДАТ, 1982 г.

В том краю, где «жить хорошо»

Теплый весенний день. Праздник троица. А в глухом лесу под Брянском, около села Городища, беспокойно и страшно — тревожный топот бегущих людей, пронзительные свистки, невнятные крики. Это полиция разгоняет массовку рабочих Бежицкого паровозостроительного завода. Зачинщиков, а то и просто тех, кто попадетсЯ под руку, арестовывают. За одним юным оратором, невысоким коренастым пареньком, погоня. Целая свора мчится за ним по лесу. Но юноша ловок, к тому же знает здесь все тропки и выходы к большой дороге, да и ноги у него сильные, молодые. Вот-вот оторвется от погони.

Он ринулся с тропки в кусты и чуть не наскочил на жандарма. Откуда он только взялся?! Толстый, рослый, запыхавшийся. Казалось, все пропало. Но паренек не растерялся. Изо всей силы боднул жандарма головой в толстое брюхо и отскочил в сторону. Жандарм охнул, осел, и, пока он приходил в себя, преследуемый скрылся в чаще деревьев. Где-то позади крики: «Держи!» Свистки. Топот сапог, треск изломанных кустов.

А тут, как назло, лес кончился. Большая поляна. На ней сельская молодежь водит хоровод. Не скроешься.

С появлением незнакомца гармонист умолк, девушки остановились. Все смекнули, кто перед ними. О массовках и их стычках с полицией в окрестных деревнях знали.

И опять по какому-то наитию юноша кинулся в пеструю толпу девчат, надеясь спрятаться среди них. Подмигнув, он быстро стянул с головы одной из них пестрый платок и

накинул его на себя. Другая торопливо сняла и передала ему длинный вышитый передник, по-местному — запон. Облачившись в него, паренек преобразился: ну чем не девица-краса! И едва стал в круг, как на поляне появилось несколько полицейских. Начали допытываться, где тот человек, что ушел от них. Он же побежал сюда! Кто видел, куда он скрылся? С притворным равнодушием гармонист оторвал правую руку от гармонии и указал на чащу леса. Полицейские со всех ног кинулись туда. Когда стихли шум и крики, юноша вышел из хоровода, отдал девушкам их одежду, помахал им приветливо рукой, крикнул гармонисту «Спасибо!» и помчался в сторону, противоположную той, где его искали...

Этого смелого находчивого парня звали Николай Кубяк.

В 14 лет Николай окончил 3 класса церковноприходской школы в городе Мещовске Калужской губернии. Прощайте книжки и тетрадки! Пора зарабатывать себе на хлеб и одежду! Пора быть самостоятельным!

Зарабатывать! Но где? Отец-сапожник мечтал сделать из Коли хорошего мастера, любил он свое дело и хотел передать его сыну, но было ясно: этим не проживешь. В доме шестеро детей, их надо кормить, одевать, ставить на ноги, а заработка нет. И Афанасий Яковлевич решился на большой и трудный шаг — по примеру старших детей, Анны и Василия, податься в Бежицу. По их письмам, а также по слухам, там на заводе легко устроиться, а в рабочей казарме дадут жилье.

Весной 1896 года, в самую распутицу, распродав свой убогий скарб, семья Кубяков отправилась на подводах в поисках счастья в дальний по тем временам путь — в Бежицу Орловской губернии¹.

Детство Николая кончилось. За ним сразу же началась взрослая жизнь.

Что же представляла собой Бежица, куда,

¹ По административному делению тех лет Брянск и поселок Бежица входили в Орловскую губернию.

как в землю обетованную, устремился Афанасий Кубяк с женой и кучей малолетних детей? Старшему из них, Николаю, было в ту пору пятнадцать, остальные мал мала меньше.

К концу XIX века в Бежицу стекались тысячи бедняков, привлеченных возможностью заработать хотя бы на кусок хлеба. Созывал их знаменитый на всю округу и далеко за ее пределами Брянский рельсопрокатный, паровозостроительный и железоделательный завод.

В конце шестидесятых — начале семидесятых годов прошлого века в стране развернулось бурное строительство железных дорог.

Началась прокладка стального пути и через брянские леса. Сооружалась Риго-Орловская железная дорога, которая должна была связать Прибалтику с центром России. Это строительство и вызвало к жизни Брянский завод. 20 июля 1873 года был «высочайше» утвержден Устав акционерного общества Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода. Его основателями были заводчик Губонин, подрядчик Голубев, инженер и землевладелец князь Тенишев. Да, да! Среди основателей Брянского завода значится именно тот самый Губонин, которого называет крестьянин в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Тот самый «благодетель» Губонин, у которого каторжным трудом можно заработать кусок хлеба.

Завод находился в 9 километрах от Брянска, при впадении реки Болвы в Десну, и назывался Брянским, а поселок — сначала Губонино, потом Бежица. Здесь быстро осваивали новую продукцию. Уже через пять лет после пуска предприятие по литью стали вышло на второе место в стране после Путиловского; началось изготовление речных пароходов и барж, грузовых вагонов и платформ; вскоре брянские рабочие выполнили заказ на поставку броневых листов для строящихся боевых кораблей Черноморского флота, в том числе

для броненосца «Потемкин»... К концу века на нем уже работало около 10 тысяч человек. Словом, по тогдашним временам это был индустриальный гигант. В своем труде «Развитие капитализма в России» Ленин назвал Брянский завод наряду с Коломенским и Юзовским крупнейшим предприятием России.

Славились предприятие и качеством своей продукции. В 1882 году его изделия экспонировались на Всероссийской промышленной выставке в Москве, их признали превосходными, вследствие чего заводу было разрешено изображать на выпускаемых изделиях государственный герб. А его броневая сталь при сравнении со сталью лучших английских заводов превосходила ту по качеству.

Рабочие — в основном выходцы из крестьян Орловской и Калужской губерний. Земельные наделы здесь были маленькие, урожаи низкие, и своего хлеба хватало обычно до рождества, в лучшем случае до масленицы. А дальше? Дальше шли обычно в города побираться. В Калужской губернии до революции целые деревни к весне пустели, так как их население уходило, как тогда говорили, «в кусочки».

И строительство завода, и его первоклассная продукция были результатом труда этих полуголодных рабочих, недавних крестьян или ремесленников. Как же господа акционеры создавали им «хорошую жизнь», о которой с горечью говорит белорусский крестьянин в поэме Некрасова?

Рабочий день на заводе длился 12, а то и 14 часов, да еще бывали сверхурочные. Оплата же труда предельно низкая. Квалифицированный рабочий получал около рубля в день, что едва хватало на бедное житье, остальные — и того меньше. Заработки сокращались систематическими штрафами. Эксплуатация была очень жестокая, в расчете на то, что задавленным нуждой и бесправием вчерашним крестьянам деться все равно некуда.

Приехав в Бежицу, Афанасий Кубяк не сразу поступил на завод, пришлось походить и попросить. С большим трудом устроился он сначала грузчиком, потом обрубщиком в литейном цехе. Семья поселилась в одном из домов рабочего поселка. Это было длинное деревянное двухэтажное унылое строение, обнесенное неровным частоколом. Случись пожар, сгорит сразу! Ютились в таких казармах по две семьи в комнате. Спали на полу или на нарах. Даже царский чиновник, инспектор горных заводов, признал, что эти жилища можно без преувеличения сравнить с помещениями для домашнего скота.

Бежать бы Афанасию Кубяку сразу из этого ада! Разве не видно было, что их здесь ждет? Та же нужда, если не хуже. Но куда бежать? На соседние мальцовские заводы? Но и там не лучше.

В отличие от Брянского завода, мальцовские возникли еще в эпоху крепостного права, а их владелец С. И. Мальцев являлся одним из самых крупных промышленников и помещиков России. Так уж в своей вотчине он был царь и бог, держал себя независимо от местных и даже губернских властей и по своему усмотрению распоряжался судьбами людей: приказывал высечь плетью или розгами, заковать в кандалы, сослать в Сибирь непокорных.

И после отмены крепостного права в Мальцовщине сохранились прежние обычаи, те же каторжные условия. Характерен такой факт: 5 апреля 1861 года, то есть уже после отмены крепостного права, на Людиновском заводе был публично наказан розгами рабочий Кучеров. Рабочие возмутились и выступили с протестом. Но заводское начальство арестовало выборных, пришедших с петицией. Рабочие потребовали освобождения арестованных. Тогда по распоряжению Мальцева восемь вожаков были закованы в кандалы и отправлены в тюрьму. Но волнения ширились, дело дошло до царя. Опасаясь народного бунта, Александр II приказал «дело о кандалах».

прекратить, а генерал-майору Мальцеву сделать от его имени выговор за самоуправные действия.

На Мальцева это не произвело большого впечатления, он остался прежним владыкой. И конечно, бежицкие рабочие знали, как все-силен хозяин Мальцовщины, и не завидовали своим соседям.

Так что бежать Кубяку было некуда. Везде одно и то же. Рабочему человеку всюду были уготованы лишь труд и несправедливость.

«До бога высоко, до царя далеко», — часто слышал Николай, когда кто-нибудь в бараке начинал свои жалобы на мучительную жизнь. И еще: «С сильным не судись, с богатым не рядись». Или: «Богатому житье, а бедному вытье». А то и так скажут: «Была бы спина — найдется и вина». И получалось, по мудрости народной, по горькому опыту рабочего люда, что облегчения у бедняков нет и не будет: трудись и не ропщи, голодай да слюну глотай. И у него, Кубяка, у его сестер и братьев впереди то же — каторжная работа на акционеров, разрешенная и освященная господом богом. Но неужто же так?! Верить в это не хотелось, и молодой ум Николая настойчиво искал выход из тяжкого несправедливости и беспросветного труда.

Первой мыслью юноши было уйти от родителей назад в Мещовск. Жизнь там казалась теперь сытнее и привольнее. Но Николай быстро понял, что в родном городе его ожидает нищенство. Кому он там нужен?! О Мещовске лучше не думать, это детские мечты. Надо поскорее получить какую-нибудь специальность, устроиться на работу, выйти в люди, найти свое счастье. Как, где — сначала было неясно.

Первые шаги

Николай поступил в ученики токаря. Смышленный парень быстро овладел этой специальностью, но она не понравилась ему, и он освоил другую — электромонтера.

На работе завелись друзья. Кубяк особенно льнул к тем, у кого имелись книжки, кто мог что-то рассказать о жизни в других городах и странах. По вечерам он стал читать, и мир как бы расширился, а в нем замелькали образы людей сильных, красивых — борцов за народное счастье. Смутно, исподволь, но уже возникала и зрела в сознании мысль, что жизнь можно изменить, переделать, вот только не в одиночку...

Товарищи рассказывали ему о борьбе рабочих за свои права, дошли слухи о волнениях таких же, как и он, пролетариев в Питере, Орехово-Зуеве и других городах. Узнал Кубяк и о выступлениях рабочих на своем заводе, о том, как свыше 10 лет назад здесь впервые возмутились из-за снижения расценок и дружным протестом добились своего. Теперь же, когда предприятие пополнилось высококвалифицированными рабочими из других крупных промышленных центров России и образовалось надежное пролетарское ядро, особенно остро ощущалась потребность в организации, которая бы направляла их выступления.

И вот такая организация появилась.

Орловские марксисты создавали рабочие кружки на предприятиях и особое внимание обратили на Брянский уезд с его высокоразвитой промышленностью. С 1895 года в Орле действовала подпольная типография, и тайно по рукам ходили перепечатанные в ней листовки и прокламации петербургского «Союза борьбы» и московского «Рабочего союза», отдельные страницы из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса; благодаря мимеографу рабочие познакомились и с поэмой Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Осенью 1897 года Иосиф Дубровинский, один из руководителей московского «Рабочего союза», помог орловским социал-демократам укрепить связи с этой организацией. Тогда же их ряды пополнились высланными из Москвы под надзор полиции студентами Московского университета, среди которых

были К. М. Остров, О. А. Квиткин, В. А. Русанов.

Орловские марксисты часто наведывались в Бежицу, заводили знакомства с рабочими, доставляли им нелегальную литературу. А вскоре здесь возник «Союз сознательных рабочих» — первая социал-демократическая организация в Брянском уезде. Ее руководителями стали чертежник К. Ф. Жмуркин, мастер Г. А. Корхов, рабочий Н. Н. Лавринович, токарь Н. Н. Ильин, кузнец К. М. Эрман.

Конечно, вначале организация была немногочисленной, но к концу 1897 года в ней состояло уже около 500 рабочих и были разработаны программа и устав «Союза» и кассы взаимопомощи.

Эти документы не были еще зрелыми, марксистскими, на них оказал влияние распространенный в ту пору в рабочем движении «экономизм». Но они помогали брянцам включиться в борьбу против старого мира.

Учредили кассу для помощи стачечникам, а также уволенным и семьям арестованных, собирали деньги на создание легальной и нелегальной библиотек.

Старшие товарищи, приглядевшись к Николаю, посвятили его в некоторые секреты организации.

Как же это заинтересовало и взволновало Николая! Он почувствовал: его место среди этих людей. От них он узнает, как жить дальше. Кубяк попросил товарищей взять и его на собрание в лесу, а узнав дорогу и расписание встреч, стал регулярно тайком от родных ходить на кружковые занятия. Там и сдружился с Никитиным и Кудрявцевым.

Сперва он попал в кружок, которым руководил народник по имени Федор Иванович. Тогда в «Союз» входили бывшие народники, еще не расставшиеся полностью со своими взглядами. Однако неискушенному в теории Николаю все казалось правильным и важным в объяснениях его первого политического учителя.

Но вот однажды на занятие пришел чужак.

Само его появление уже насторожило: кто он? А тут еще незнакомец заспорил с Федором Ивановичем. Существо спора было неясно слушателям, и они приняли его за защитника правительства.

— Ишь ты! Пришел защитничек! Дать ему хорошего!

— Вот-вот, братцы! Намнем ему бока! — слышалось со всех сторон.

Атмосфера накалялась, но до драки все же не дошло. Чужак ушел, пообещав прийти еще раз и получше разъяснить свои взгляды. И действительно, стал появляться в Ямском лесу, где собирался кружок Федора Ивановича, говорил о Карле Марксе, о неизбежности пролетарской революции, о роли в ней пролетариата. И отвоевал у Федора Ивановича группу молодежи, в том числе Николая Кубяка и его друзей — Иосифа Никитина и Аркадия Кудрявцева.

«...Мы стали чаще встречаться с незнакомцем, который оказался социал-демократом... (его, кажется, звали Михаилом)... Наша работа началась с изучения рабочего движения Запада. Кружок наш увеличивался, пришлось организовать второй; такие же кружки организовались в Брянске и Дятькове. Вскоре явилась потребность в листовках...» — вспоминал впоследствии Н. А. Кубяк.

Так в кружке этого оставшегося неизвестным Михаила Кубяк прошел свою первую школу марксизма.

Это было уже в 1898 году, с этого года Николай Кубяк твердо стал на позиции марксизма и впоследствии на вопросы в анкетах о партийном стаже неизменно отвечал: 1898 год!

Год этот много значил и для Николая Кубяка, и для всех пролетариев Брянского завода. Усилилась активность «Союза сознательных рабочих», часто собирались в Дубовом бору или где-нибудь в лесу, и нелегальная литература переходила из рук в руки.

Так, «Пауки и мухи» В. Либкнехта были зачитаны буквально до дыр.

Вскоре руководители «Союза» заметили Кубяка. Серьезный парень! Много читает. Регулярно ходит на кружковые занятия. И Николаю стали давать отдельные поручения. Как раз в это время все большую популярность у бежицких рабочих завоевывали сатирические письма на начальство. Особенно много их было на директора завода и на его подручных Муськина и Кучкина. Их фамилии здорово рифмовались и будто нарочно были даны этим двум прохвостам для насмешек над ними. В письмах гневно писали о беспорядках на заводе, о произволе администрации, о бесчисленных штрафах, о нищете и невыносимости жизни. Рабочие собирались у станков, жадно читали их и радовались, что нашлись-таки смелые люди, которые заговорили об их жизни. Да разве это жизнь?! Работашь, как каторжный, целый день, не видя света божьего, платят тебе гроши, да еще не пикни! Терпи любое унижение, иначе будет хуже.

В те дни не хватало только искры, чтобы на заводе произошел взрыв всеобщего гнева.

Но не дремали шпики и провокаторы. Неожиданно были арестованы активисты «Союза». Одних уволили, других подвергли репрессиям, у многих произвели обыски. Особенно тщательно искали у Ильина. В его комнате переворошили весь жалкий скарб. Мало того! Со злости или по глупости полицейские порезали на ленточки подкладку летнего пальто Ильина. Потом тот со смехом отвертывал полы этого пальто и показывал своим товарищам, как его отделали.

Аресты и увольнения с завода сильно ослабили «Союз сознательных рабочих».

Николай Кубяк впервые наблюдал классовую схватку и много думал о провале «Союза». Особенно ясна стала необходимость строгой конспирации. С тех дней им было прочно усвоено это новое слово — «конспирация». Никакой болтовни! Даже дома. Да, и дома тоже, так как ни отец, ни старший брат не

сочувствовали его взглядам и новым знакомствам.

Однако Кубяк не узнал никогда: среди организаторов «Союза» был крупный провокатор, агент Зубатова Б. А. Кварцев, засланный департаментом полиции в Брянск. Он вошел в доверие революционно настроенных рабочих, немало приложил сил, чтобы направить организацию в русло экономизма и зубатовщины, а в начале 1898 года сообщил подробные сведения о ее активных членах департаменту полиции.

Будучи арестован и выслан наряду с другими, Кварцев так и не вызвал подозрений у подпольщиков. О его провокаторской деятельности стало известно только после Великой Октябрьской социалистической революции.

События разворачивались быстро. Под влиянием орловских марксистов «Союз сознательных рабочих» все более отходил от «экономизма». Весной, перед 1 Мая, по рукам стала ходить листовка «К рабочим Брянского завода», составленная и отпечатанная орловцами, распространяли же ее бежицкие социал-демократы.

«Пора бы наконец проснуться и вам, рабочие Брянского завода. В других местах, не только за границей, но и у нас в России рабочие сознали свое положение и, отстаивая свои права, ведут упорную борьбу с капиталистами...»

В «Воззвании» говорилось о нарушениях на предприятии трудового законодательства, о том, что не соблюдается закон от 2 июня 1897 года. Согласно этому закону, для рабочих, занятых в дневное время, рабочий день не должен превышать одиннадцати с половиной часов, а для занятых в ночные часы — десяти.

Но каждый читавший думал: «Да! Как же! Для нашей администрации эти законы не писаны».

Потом появились первомайские листовки. «Воззвание» и листовки произвели сильное

впечатление. Люди чувствовали, что написаны они умными и знающими товарищами, которые желают им добра и подсказывают пути борьбы.

Аресты и обыски у членов «Союза сознательных рабочих» все продолжались, а тут случилось непредвиденное.

Маленький сынишка одного рабочего бросил камень в собаку сторожа заводского продовольственного магазина. Сторож выстрелил в мальчика и убил его. У трупа сразу же собралась толпа. Рыдала мать, плакали женщины и дети, мужчины требовали наказать убийцу. Пристав от страха сбежал. Тогда толпа разгромила его квартиру и устремилась на завод. Охрана отступила перед натиском разъяренных людей, а те начали бить и крушить все подряд. Били стекла и фонари, ломали станки, подожгли будку охранников. От нее загорелась механическая мастерская и дом служащих. Затем толпа вылилась на улицу и разгромила там лавку и питейные заведения.

Тщетно более осторожные пытались урезонить взбунтовавшихся. Их никто не слушал.

Уездному исправнику полетела срочная телеграмма:

«На заводе бунт рабочих. Прошу прислать солдат немедленно».

Прибыл батальон пехоты. Началась расправа.

Вокруг этих событий долго не затихали разговоры и споры. Рабочие завода почувствовали, какая они сила, вот только неумелая и неловкая. Не так надо было действовать. Не так! И многие, среди них Кубяк, поняли, как нужны сильная организация и умелое руководство.

В сентябре началась забастовка. В отличие от «июньского бунта», она протекала организованно, под руководством местных и орловских социал-демократов. Были выработаны четкие требования: сокращение рабочего дня до 9 часов, отмена сверхурочных работ, уничтожение марочной системы оплаты труда,

введение старых расценок, понижение платы за квартиры и др. Вожаками стали рабочие Н. М. Зименков и С. К. Забелин. В стачку включились почти 10 тысяч рабочих. Впервые бастовал и Николай Кубяк.

Организаторы с помощью орловских социал-демократов позаботились о том, чтобы рабочие знали, за что они борются. Повсюду перед стачкой были разбросаны листовки. Среди них находилась и размноженная передовица второго номера киевской «Рабочей газеты»¹. В ней говорилось, что теперь наступает пора, когда русские рабочие, развернув знамя социал-демократии, покажут, что они стремятся не только к частным улучшениям своего положения, не только к приобретению политических прав, но и к борьбе за полное переустройство общества на социалистических началах.

Итак, слово «социализм» брянскими рабочими было подхвачено.

Брянцы начали с предъявления требований администрации, однако мирный разговор Забелина и его товарищей с директором завода оказался тщетным. Весть о неудаче переговоров быстро разнеслась по поселку. Следующим утром возбужденная толпа направилась к конторе механического цеха, отсюда к главной конторе. Администрация еще накануне вызвала солдат. Они вышли навстречу забастовщикам и преградили им путь. Ах, так! Рабочие вооружились железными полосами, кинулись на солдат и, смяв их, пробились к конторе. Опять бурное объяснение с начальством, и опять без результата. И тогда уже официально была объявлена забастовка.

Вскоре среди рабочих были произведены аресты. Арестованных заперли в вагонах. Толпа забастовщиков кинулась на станцию. Оттеснив солдат, рабочие открыли вагоны, и арестованные прыгали из них прямо на руки своих товарищей.

¹ «Рабочая газета» — нелегальный орган киевских социал-демократов, издававшийся в 1897 г.

С этого дня борьба все нарастала. Но и солдаты прибывали.

В конце концов аресты ослабили руководство стачки, и она была подавлена силой оружия.

И все же забастовка длилась целую неделю, и брянцы добились некоторых уступок.

События 1898 года стали своеобразной политической школой для Николая Кубяка. Он много размышлял и сравнивал. Как активный участник забастовки, он с горечью пережил ее разгром и понял в те дни, как мало дают отдельные выступления рабочих. Пусть они добились небольших уступок: кое-кого из администрации уволили, отменили обязательные сверхурочные, сделали небольшую прибавку чернорабочим.

Но надолго ли это? При первом же ухудшении сбыта продукции все завоеванное будет отнято. К тому же Бежица теперь под неусыпным контролем полиции, в Орле и Брянске в тюрьмах томятся их лучшие товарищи, арестован Родзевич-Белевич, сосланы Зименков и Забелин, в тюрьме Корхов и Ильин, многие попали в «черные списки». Уволенные же никак не найдут себе работу. Вот и считай: выиграли они или проиграли?

Бесспорно одно: сила только в единении. А если объединятся рабочие всей России, то это будет уже такая сила, которой доступно все — свержение самодержавия и власти капитала.

Есть и еще одно достижение: брянские рабочие в массе своей поняли, кто их вожак. Это те, кто называют себя социал-демократами. Они не о себе думают, они за всех! И ради дела готовы на любые жертвы. Интерес и уважение к ним сильно выросли среди рабочих, и Кубяк невольно признавал, какую ответственность налагает это на социал-демократов. А в кружке Михаила он тоже стал социал-демократом.